

сто шагов с мещанинишкой рядом шли, после того как он вам „убийцу” в глаза сказал, и ничего у него, целых сто шагов, спросить не посмели!..» (6, 346—347).

Порфирий мог обещать сколько угодно тысяч рублей, потому что в действительности ему это ровно ничего не стоило: он смотрел на Раскольниково́ва как раз «в свои глаза». И если не в «свои», то только в том смысле, в каком «не свои слова» говорил Миколка, признаваясь в том, что он убийца (6, 271, 273). Один смотрел, другой говорил, изображая тех, роль которых они взялись играть. Порфирий меняет глаза, как он меняет лица; он либо подсылает других («Вы что думаете: я у вас тогда не был с обыском? Был-с, был-с, хе-хе, был-с <...> Не официально и не своим лицом, а был-с» — 6, 346), либо надевает маску сам.

В результате всех примененных им, праведных и неправедных, «средств» ему удается ввергнуть преступника в состояние чрезвычайного нервного напряжения — панического страха, раздражительной, неконтролируемой ненависти и злобы. Придя к Порфирию на второй допрос и «готовясь к новому бою», Раскольников «почувствовал вдруг, что дрожит, — и даже негодование закипело в нем при мысли, что он дрожит от страха перед ненавистным Порфирием Петровичем <...> он ненавидел его без меры, бесконечно, и даже боялся своею ненавистью как-нибудь обнаружить себя» (6, 254). И хотя дело до прямого признания в убийстве не дошло, Раскольников себя все-таки «выдал» «— Лжешь ты всё! — завопил Раскольников, уже не удерживаясь, лжешь, полишинель проклятый! — и бросился на ретировавшегося к дверям, но нисколько не струсившего Порфирия.

— Я всё, всё понимаю! — подскочил он к нему. — Ты лжешь и дразнишь меня, чтоб я себя выдал...

— Да уж больше и нельзя себя выдать, батюшка, Родион Романыч. Ведь вы в исступление пришли» (6, 269).

Внезапное появление Николая с его «показанием» (6, 271) испортило было Порфирию игру. Однако мгновенно осмыслив новую ситуацию и резко изменив тактику, он продолжил представление, одурачивающее его жертву. В виде все того же «мещанина в халате» Порфирий опять явился к Раскольникову, но уже не с обличительной, а покаянной речью: «— Что вам? — спросил помертвевший Раскольников.

Человек помолчал и вдруг глубоко, чуть не до земли, поклонился ему. По крайней мере тронул землю перстом правой руки.

— Что вы? — вскричал Раскольников.

— Виноват, — тихо произнес человек.

— В чем?

— В злых мыслях» и т. д. (6, 274).

Дав себе возможность разобраться с Николаем, чье «показание» не вызвало у него никакого доверия (6, 347), Порфирий до поры до времени отпускает Расколько́вникова на свободу. Он уверен (и справедливо), что предоставленный самому себе, но «под вечным подозрением и страхом» тот все равно как-нибудь оплошает (даст какую-нибудь на себя улику) и в любом случае «закружится» (6, 261, 262), оказавшись в тупике, из которого нет иного выхода, кроме признания в убийстве. «...Ведь я следователь, — говорит Порфирий, — <...> хотелось бы такую уличку достать, чтоб на дважды два — четыре походило! <...> А ведь засади его (преступника. — В. В.) не вовремя, — хотя бы я был и уверен, что это он, — так ведь я, пожалуй, сам у себя средства отниму к дальнейшему его обличению, а почему? А потому что я ему, так сказать, определенное положение дам, так сказать, психологически его определяю и успокою, вот он и уйдет от меня в свою скорлупу» (6, 261).

В этом смысле «показание» Миколки, явившегося уже после этих объяснений, было Порфирию на руку. Оно ставило Расколько́вникова в самое неопределенное положение. Оно исключило этого неудавшегося теоретика и практика из числа преступников (поскольку Николай взял на себя его вину) и не включило в число